

толка. Томас Манн очень рано начал ощущать, что час буржуазной эпохи пробил, что «мир вступает под новые, еще безымянные созвездия», но назвать эти созвездия точным именем он все же не решился до конца, хотя не раз в последние годы жизни говорил о том, что будущее всего мира нельзя представить себе без социализма или (в другом месте) «без черт коммунизма».

* * *

В письме к К. Кереньи Томас Манн написал однажды: «Я человек равновесия, (ein Mensch des Gleichgewichts). Я инстинктивно отклоняюсь влево, если челнок начинает крениться вправо — и наоборот»⁵. Еще точнее писатель определил свою способность вступать в конфликт с господствующими в его окружении взглядами в самом начале 20-х годов: «Во имя немецкой гуманности выступал я против революции, когда она побеждала. Сегодня из тех же самых побуждений я выступаю против реакционной волны, которая катится по Европе как после наполеоновских войн...»⁶. Общеизвестно, что позиция Томаса Манна во время первой мировой войны была националистически консервативной, что его предвоенное так называемое «формальное» существование только в сфере искусства привело в статьях военного периода к утверждению «немецкости», особой избранности Германии, к утверждению (вслед за Ницше) «священной» связи поэзии и войны, художника и солдата. Полемика с Р. Ролланом, со старшим братом — Генрихом Манном, со всей антимилитаристски настроенной литературной молодежью Германии привела к созданию печально знаменитых «Рассуждений аполитичного» (1918) — документа консервативного и националистического толка. Позднее Т. Манн сам отмечал, что книга эта была не манифестом будущего его поведения, а подведением итогов за предыдущие десятилетия. «Никто не остается таким, как он был, когда он себя познает»⁷.

Эволюция взглядов Томаса Манна совершалась в 20-е годы замедленными темпами, но в определенном направлении. Реакция, которая наступила в Германии после поражения Ноябрьской революции 1918 г., напугала Т. Манна. Встряска, пережитая тогда «такими, как он», заставила Т. Манна пересмотреть свои казавшиеся ему стройными концепции. Томас Манн, как многие буржуазные писатели его поколения, наивно верил в свою личную свободу, в возможность сохранить свою независимость, остаться в стороне от партийной борьбы. «Я вообще не могу ни к чему присоединяться — я ощущал бы это как покушение на мою свободу», — уверяет он своего близкого друга Курта Мартенса в декабре 1914 г., а Стефану Цвейгу (в ноябре 1916 г.) снова сообщает свои сомнения в значимости политики, хотя и его военные статьи и «Рассуждения аполитичного» были, конечно, не только и не столько философскими работами, сколько тем самым «присоединением» к определенному лагерю в политике, против которого писатель на словах так яростно протестовал. Потребовалось всего несколько лет, чтобы Т. Манн осознал свое упорство как близорукость и недальновидность. В националистической позиции Т. Манна был один оттенок, который позднее облегчил ему понимание событий в России. Томас Манн с юности любил «святую русскую литературу», не раз говорил и писал о своем преклонении перед русскими писателями XIX века, особенно перед Л. Н. Толстым. В военную осень 1917 г. в начале октября он перечитывает «Войну и мир»: «...Какое могучее произведение! Подобного больше не создать. И как я люблю все русское!»⁸. Интерес к России, любовь к русской литературе дали первый импульс для заинтересованного наблюдения за «великим переворотом в стране Толстого». Косвенным свидетельством отношения Т. Манна к известиям об Октябрьской революции в России может служить следующий отрывок из романа «Доктор Фаустус». Цейтблом, рассуждая о войне 1914—1918 гг. и поражении Германии, записывает: «Русская революция меня потрясла, и историческое превосходство ее принципов над принципами держав, нас поработивших, не вызывало у меня ни малейшего сомнения»⁹. Этому свидетельству не противоречат высказывания самого Томаса Манна в письмах 1918—1920 гг. «Я, конечно, не большевик», — начинает Т. Манн одно из своих рассуждений о коммунизме в 1920 г. Эта фраза в разных вариантах: «не надо быть большевиком, чтобы...», «не надо быть марксистом, чтобы...», «меня, конечно нельзя назвать предшественником коммунизма», — становится своеобразным лейтмотивом в эссеистике Т. Манна. Его смущало, что, несмотря на все эти оговорки,

⁵ Th. M a n n. Karl Kerényi. Gespräch in Briefen. Zürich, 1960, стр. 42.

⁶ Th. M a n n. Briefe 1885—1936. Berlin, 1965, стр. 228, письмо от 5.XII.1922 г.

⁷ Th. M a n n. Gesammelte Werke..., т. 12, стр. 90.

⁸ Th. M a n n. Briefe, 1889—1936, стр. 161. Стоит вспомнить также, что, узнав о начале войны, Т. Манн воскликнул: «Если бы Толстой был жив, этого бы не случилось!».

⁹ Томас М а н н. Собр. соч. в 10 томах., М., 1960, т. V, стр. 440. Томас Манн в романе «Доктор Фаустус» ведет повествование от имени Серенуса Цейтблома, доктора философии и «истинного сына просвещения», образованного немецкого бюргера; и ему, этой «самопародии», как его назвал писатель, он передоверил многие и свои размышления. Кроме того, в Цейтблеме писатель как бы зафиксировал тот этап своего собственного развития, который падает на начало 20-х годов. Позиция Цейтблома в 1914—1918 гг. идентична позиции самого Томаса Манна.